

Морозов Илья Леонидович

доктор политических наук, директор научно-образовательного центра комплексной безопасности Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

УЛИЧНЫЙ ПРОТЕСТ КАК ТЕХНОЛОГИЯ АНТИГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ РАДИКАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ – ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И УГРОЗА ДЛЯ РОССИИ

Аннотация:

Акции уличного протеста, организованные российскими политическими радикалами в январе 2021 г. в связи с арестом оппозиционного блогера А.А. Навального, вновь актуализировали вопрос о степени угрозы системе национальной безопасности России и поиске мер эффективного государственного реагирования на данный вызов. В статье рассматриваются аналогичные с точки зрения организационных технологий движения уличного протеста в США и Белоруссии, проводится их сравнительный анализ с российской ситуацией. Автор приходит к выводу, что оцениваемые движения технологически имеют общий корень с опорой на теорию управляемого хаоса и обязательного координатора либо из внутригосударственных элитных кругов, либо из числа влиятельных внешних акторов, заинтересованных в дестабилизации политического режима. Россия, несмотря на экономический кризис, сохраняет достаточную социально-политическую устойчивость, позволяющую на данном этапе противостоять технологиям уличного деструктивного протеста, маргинализировать протестных активистов и обеспечивать режим общественной безопасности. Однако для предотвращения дальнейшего развития событий по негативному сценарию необходимо активизировать государственную социальную политику по поддержке нуждающихся категорий граждан и выстраивать конструктивный диалог с умеренной частью оппозиции.

Ключевые слова:

радикализм, экстремизм, политический протест, оппозиция, США, Белоруссия, Россия, массовые беспорядки, BLM, управляемый хаос, национальная безопасность

Morozov Ilya Leonidovich

D.Phil. in Political Science, Director of the Scientific Educational Center "Integrated Security", Volgograd Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

STREET PROTEST AS A TECHNOLOGY OF ANTI-STATE ACTIONS OF THE RADICAL OPPOSITION – EXPERIENCE OF FOREIGN COUNTRIES AND A THREAT FOR RUSSIA

Summary:

Street protests organized by Russian political radicals in January 2021 in connection with the arrest of opposition blogger A.A. Navalny made the question of the degree of threat to the system of national security of Russia and the search for measures for an effective state response to this challenge relevant. The article examines similar, from the point of view of organizational technologies, street protest movements in the United States and Belarus, and conducts their comparative analysis with the Russian situation. The author concludes that the considered street protest movements have a common technological root based on the theory of "controlled chaos" and an obligatory coordinator either from the domestic elite circles or from among influential external actors interested in destabilizing the political regime. Russia, despite the economic crisis, retains sufficient socio-political stability, allowing at this stage to resist the technologies of street destructive protest, marginalize protest activists and ensure public safety. However, in order to prevent further development of events in a negative scenario, it is necessary to activate the state social policy to support the categories of citizens in need and build a constructive dialogue with the reasonable part of the opposition.

Keywords:

radicalism, extremism, political protest, opposition, USA, Belarus, Russia, riots, BLM, "controlled chaos", national security

Социально-экономическая обстановка в России в последние годы демонстрировала тренд на ухудшение, что связано как с общемировыми экономическими процессами, например снижением цен на углеводородные энергоносители, так и с пандемией COVID-19, обрушившей внутренние рынки потребления. Осложнение экономической ситуации зачастую значительно повышает риски и политической дестабилизации, если в обществе наличествует скрытый настрой на социальный протест [1]. Российская Федерация долгое время демонстрировала политическую устойчивость на фоне происходящих по ее периметрам цветных революций, а также событий в более отдаленных регионах – «арабской весны» на Ближнем Востоке, «революции зонтиков» в Гонконге, выступления «желтых жилетов» во Франции.

Ситуация изменилась в январе 2021 г., когда в Россию вернулся находившийся на лечении в Германии оппозиционный блогер А.А. Навальный, заявивший, что стал жертвой покушения со стороны российских спецслужб. Возвращение оппозиционера и его немедленный арест синхронизировались с развернувшейся информационной кампанией по дискредитации отечественного политического руководства, за которой последовали акции уличного протеста в виде несанкционированных митингов, шествий, столкновений с работниками правоохранительных органов, что обернулось массовыми задержаниями протестующих. По оценкам экспертов, в протестных акциях, прошедших во многих городах России, совокупно приняло участие как минимум около 100 тысяч человек [2, с. 15], после чего представители «штаба» поддержки А.А. Навального объявили о приостановке акций до весны (единственным исключением стала акция «посвети фонариком» 14 февраля 2021 г., реальное число участников которой оценить трудно). Подобный масштаб протестов не наблюдался с зимы 2011–2012 гг. и актуализировал предметные вопросы: начинается ли в стране развитие широкомасштабного и долговременного движения социально-политического протеста, подобного тем, что наблюдались в других государствах, и какое влияние протестующие способны оказать на политический режим?

Методологической базой данного исследования является многофакторный компаративный анализ двух кейс-стади – уличных протестов белорусского (движения в поддержку С.Г. Тихановской) и американского (Black Lives Matter – BLM) кейсов. В обоих случаях уличный протест носил жесткий, бескомпромиссный характер и был направлен на отстранение от власти высшего должностного лица государства (А.Г. Лукашенко и Д. Трамп соответственно). В обеих ситуациях протесты внешне выглядели как «стихийное» волеизъявление народа, ключевую роль в их освещении и «раскрутке» играли неподконтрольные государству информационные каналы. Схожие черты имели и российские акции января 2021 г.

Один из важнейших принципов применения политических технологий борьбы за власть на основе теории управляемого хаоса [3] заключается в маскировке координирующего центра. Протестное движение должно выглядеть естественно, как спонтанные выступления возмущенных граждан. Если белорусский сценарий протеста разворачивался как классическая цветная революция [4] – отправной точкой явились президентские выборы, результаты которых оппозиция призвала опротестовать через уличные акции, то в американском варианте главной целью было нанесение упреждающего удара по имиджу президента, формирование убежденности в неспособности Д. Трампа контролировать ситуацию.

Анализ американского кейса, в основе которого находится уличная протестная активность движения Black Lives Matter, приводит к выводу, что развитие протестного движения в России по данному сценарию представляется маловероятным из-за ряда факторов, составляющих коренное различие между политическими режимами РФ и США. Прежде всего отметим, что BLM 2020 г. нельзя назвать уникальным явлением в американской истории, предпосылки к его развитию формировались на протяжении десятилетий и в необходимый момент оно было лишь стимулировано к активности той частью американской элиты, которая готовила отстранение Д. Трампа от власти.

BLM представляет собой очередную фазу активизации движения «черного сопротивления» в США, истоки которого относятся к 50–60-м гг. XX в., когда итоги Второй мировой войны стимулировали развитие национально-освободительного самосознания в колониальных владениях капиталистических стран и среди национальных меньшинств самих метрополий. Обрела популярность концепция негритюда, обосновывающая уникальность африканской цивилизации и особенности ее представителей. На территории США появились негритянские религиозно-политические движения, базирующиеся на соответствующих радикальных идеологемах (например, «Нация ислама», отколовшееся от нее движение сторонников чернокожего проповедника М. Икс и т. д.), а затем и террористические организации, практикующие насилие в отношении белых («Черные пантеры»).

Американская государственность с разной степенью успешности справлялась с данными вызовами до 2020 г., когда экономический кризис и повышение уровня безработицы стимулировали протестную массу, в том числе «цветную». Гибель нескольких чернокожих граждан США от рук местной полиции послужила поводом к активизации протеста, но не причиной. Новизну в ситуацию, в отличие от наблюдаемой в 60-х гг. XX в., привнесло более тесное сближение «черного сопротивления» с движением антиглобалистов леворадикальной направленности, обобщенно именуемых «Антифа». Подобное произошло на фоне изменения национального самосознания белой части американского социума под воздействием консьюмеризма (культы материального потребления, привычки к безопасной, стабильной, обеспеченной жизни, уклонения от рисков), чувства вины за историческое угнетение черного меньшинства белым большинством.

В отличие от 60-х гг. XX в. государственная система не сумела оперативно локализовать возникший уличный протест по причине глубокого внутриэлитного раскола между политическими и экономическими группами интересов, определяющими стратегию развития страны:

– Демократическая партия/Дж. Байден – либерализм, открытые границы, видение США в мировом рынке труда по-прежнему как эмиссионного центра мировой валюты, банковских услуг, проецирования военной силы вовне, стимулирование миграции, государственная поддержка малоимущих социальных групп за счет давления на бизнес;

– Республиканская партия/Д. Трамп – национализм, протекционистские меры экономической защиты границ, сворачивание, насколько это возможно, внешней военной экспансии, ограничение миграции, изоляционизм, выход США из существующих мировых экономических цепочек и построение автохтонной экономики с восстановлением национального промышленного производства, господдержка бизнеса в расчете на то, что оживление экономики создаст достаточное количество новых рабочих мест.

В России в настоящий момент нет ни серьезного внутриэлитного раскола, ни политически активного этнического меньшинства, чью борьбу за расширение прав активно поддержало бы этническое большинство населения страны. Протестная активность в РФ если и будет развиваться, то по иным моделям, отличным от ситуации вокруг BLM.

Политическая система современной Белоруссии является классическим примером так называемых гибридных политических режимов, многочисленных как на постсоветском пространстве, так и в дальнем зарубежье – бывших сферах геополитического влияния СССР. Их характерной особенностью выступает сочетание внешней демократической формы (наличие процедуры регулярных политических выборов, разделение властей, конституционные гарантии прав и свобод гражданина, ориентация на западный образ жизни) и авторитарного содержания (де-факто – несменяемость власти, срок правления ограничен только физическим здоровьем первого лица, которое, теряя работоспособность, само определяет «преемника» в рамках внутриэлитных интересов).

Устойчивость режимов данного типа ограничена по времени. Этот период определяется экономическими резервами, которые, как правило, основаны либо на эксплуатации доставшихся от предшествующих этапов старых производственных мощностей, либо на сырьевых добывающих отраслях. Поступательное экономическое развитие, базирующееся на передовых технологиях и ноу-хау, в принципе невозможно ввиду высокого уровня коррупции, бюрократизации, подавления конкуренции, стремления государства регулировать все сферы деятельности.

Фундаментом социальной стабильности подобных режимов является «пакт», сумма неких неформальных условных договоренностей, воспринятых массовым политическим сознанием населения, «молчаливо» заключаемых между политической элитой и широкими социальными слоями. В зависимости от ситуации в каждом конкретном случае основа «пакта» может быть различной. В случае с Россией сформировавшаяся в 1990-х гг. политическая элита провела граждан через «шоковые экономические реформы», быстро и глубоко расслоившие социум по экономическому признаку, на рубеже веков временно сбила протестные настроения широко распропагандированными военными победами над чеченскими сепаратистами и затем в первой половине нулевых годов на фоне притока нефтедолларов заключила с народом «пакт» по принципу гарантированности стабильного роста доходов для широких слоев населения в обмен на отказ от реального влияния на политический процесс. Эта формула работала до последних лет, когда под давлением мирового экономического кризиса, антироссийских санкций и пандемии COVID-19 стала наблюдаться нехватка ресурсов для выполнения элитой своей части «пакта».

В Белоруссии ситуация развивалась по схожему сценарию за исключением того, что период экономической «шоковой терапии» был значительно короче и не успел привести к тем глубоким социальным трансформациям, которые произошли с российским обществом. Политический успех А.Г. Лукашенко как президента был основан на общенациональном соглашении о максимально возможной консервации элементов советской модели – жесткого правопорядка, искусственного сдерживания социально-экономического расслоения, плановой экономики, доминирования государственного сектора, экономического механизма принудительного перераспределения прибыли от успешных отраслей и предприятий в пользу покрытия долгов убыточных секторов.

Белорусский «пакт» оказался эффективен до того момента, пока не вступил в силу закон убывающих ресурсов: изношенность доставшейся от СССР промышленно-индустриальной базы, экономические сложности у России как главного спонсора белорусской экономики, общая неблагоприятная мировая конъюнктура для белорусских товаров, что подорвало экспорт. К 2020 г. заметная часть белорусских граждан уже не видела смысла в поддержании своих обязательств неформального соглашения с властью, поскольку власть не могла в полной мере выполнять собственные. Созрел запрос на перемены, который вылился в акции радикального уличного протеста летом 2020 г.

В российских СМИ стал доминировать привычный тезис об очередной дирижируемой Западом цветной революции, которую пытается начать в Белоруссии пятая колонна либералов.

Безусловно, «цветные» технологии атаки на гибридные политические режимы – реально существующий набор инструментариев по политической дестабилизации, многократно примененный в разных странах. Безусловно, есть и расположенные за рубежом центры координации и активизации социально-политического протеста, реализующие деятельность через информационные каналы, которую не смогла в полной мере подавить белорусская власть (наибольшую известность приобрели телеграм-каналы, например NEXTA Live, «Беларусь головного мозга» и т. д., буквально в режиме реального времени координировавшие из-за рубежа действия протестной толпы на улицах Минска и других городов, распространявшие инструкции по противодействию силам правопорядка, указывавшие пути отхода с места проведения акций).

Однако в основе белорусского протеста находится экономический фактор, наложившийся на психологическую усталость населения от 26-летнего правления одного лица. За четверть века выросло поколение, для которого сохранение советских ценностей уже не является привлекательным фактором, ради которого нужно поддерживать действующую власть. В этом и состояла ключевая ошибка А.Г. Лукашенко – он недооценил темпы социальной эволюции своего народа, вовремя не нашел подходящих предложений для молодежи, ожидавшей нового «пакта» с властью. Отсюда его хаотичные метания в поиске образа внешнего врага, на чью роль назначались то Запад, то Россия, то снова Запад, для борьбы с которым и требовалась сплоченность власти и общества на фоне экономического кризиса.

Процесс подавления массовых беспорядков Белоруссии выявил следующие факторы, представляющие интерес и для российского кейса.

– Оказалось, что на долгий период отключить Интернет и мобильную связь в государстве с преобладающими промышленно-производящими формами экономической деятельности невозможно, поскольку это мешает экономической активности и вызывает недовольство даже тех граждан, которые сохраняли лояльность власти и не интересовались политикой. Это не Ингушетия с частично сохранившимися натуральными формами ведения хозяйства и небольшими территориальными размерами (люди могут выходить на деловые контакты напрямую друг с другом, не нуждаясь в средствах электронной связи), которую можно было держать в информационной изоляции долгое время. Учитывая тот факт, какую важную роль играет Интернет в социальных коммуникациях молодежи больших городов, его долговременное отключение в случае массовых беспорядков в Москве тоже только усугубит ситуацию.

– В отличие от России, где политическая элита в последние десятилетия усиленно и успешно занималась формированием патриотического сознания граждан [5], а также готовила многочисленную когорту «силовиков», осознавших свое особое положение и заинтересованных в сохранении статус-кво, в Белоруссии эти процессы остались незавершенными к моменту развертывания уличных протестных акций. Белорусская оппозиция летом 2020 г. в изобилии тиражировала в Интернете видеообращения служащих ОМОН и других силовых структур, демонстративно выбрасывающих в мусорные баки униформу и удостоверяющих под оскорбительные для государственной власти заявления. В России в январе 2020 г. со стороны оппозиции тоже наблюдались попытки применить подобный медийный прием, но государственные органы быстро и эффективно отреагировали, вскрывая в большинстве своем постановочный характер подобных обращений. Случаи реальной нелояльности служащих отечественных силовых структур носили единичный характер и заканчивались демонстративным увольнением диссидентов.

– Белорусская оппозиция использовала относительно новый психологический прием, когда на собраниях работников предприятий оппоненты власти предлагали сначала поднять руку тем людям, кто на президентских выборах голосовал за А.Г. Лукашенко, а затем – за С.Г. Тихановскую. Последних всегда оказывалось несоизмеримо больше. Российские работники бюджетной сферы, даже относительно низкооплачиваемых категорий, традиционно не склонны к открытому признанию в нелояльности государственной власти, и подобный метод, если оппозиция попробует к нему прибегнуть, не будет иметь успеха как минимум в ближайшее время.

– Во время белорусских протестов впервые утратила эффективность традиционная технология действий государственной власти по упреждению развития массовых протестов – отстранение от участия в выборах популярных оппозиционных кандидатов, превентивные аресты оппозиционных общественных активистов, демонстративные акции устрашения вышедших на улицы граждан через показательные избиения и жесткое обращение с задержанными. Российская полиция во время подавления уличных акций января 2021 г., несмотря на отдельные эксцессы, в целом старалась соблюдать тактику корректного отношения (насколько это возможно в сложившейся ситуации) к участникам незаконного протеста.

Белорусский сценарий в том виде, в котором он реализовывался на улицах Минска в 2020 г., для РФ представляется маловероятным, поскольку российский социум значительно более сложен, расслоен не только по социально-экономическому принципу, но и по религиозному,

этническому, территориальному [6]. Не последнюю роль играют особенности менталитета, в том числе пресловутая вера в «хорошего царя», что позволяет государственной власти более успешно использовать информационно-пропагандистские технологии, которые перестали работать в случае с Украиной 2013 г. и Белоруссией 2020 г., а также внесли весомый вклад в лишение власти Д. Трампа в США.

Кроме того, необходимо отметить и следующие отличия российского кейса от рассмотренных:

– в рядах отечественной уличной оппозиции нет такого числа «боевиков», готовых в ходе акций к открытому противоборству с силами правопорядка, как это было в США, когда в движение BLM влились леворадикалы-анархисты «Антифа»;

– российская уличная оппозиция ни сейчас, ни в ближайшей перспективе не способна вывести на свои акции столь значительное число сторонников (в соотношении с общей численностью социально активного населения), как в Белоруссии, что объясняется в том числе отсутствием внятного образа альтернативы существующей политической элите и режиму в целом.

Российское руководство всегда уделяло максимальное внимание вопросам защиты государственного информационного пространства [7], что в значительной степени позволило преодолеть кризис января 2021 г. Однако январские события показали и уязвимость отечественного политического режима – радикальная оппозиция сумела в короткий срок (буквально за несколько дней) мобилизовать заметное число уличных активистов почти во всех регионах страны, привлечь внимание к своей медийной продукции, а провластно ориентированные СМИ не смогли противопоставить отвлекающей эффективной информационной повестки, несмотря на интенсивную работу в кризисный период. Соответственно, самым разумным решением в сложившейся ситуации будет активизация государственной социальной политики, направленной на противодействие процессу расслоения социума на сверхбогатые и беднеющие страты, чтобы лишить радикалов потенциальной базы для уличных акций.

Другим направлением работы должны стать выявление в рядах протестующих фигур, готовых к началу диалога с представителями государственной власти, и перевод их с радикальных позиций на умеренные. Для этого нужно перестать воспринимать всю активизировавшуюся оппозицию как единое целое, действующее под управлением враждебного внешнеполитического игрока. Однако, разумеется, наличие и таких деструктивных элементов в оппозиции отрицать нельзя, необходимо действовать в отношении них соответствующим образом в интересах защиты конституционного строя Российской Федерации.

Ссылки:

1. Абрамов А.Э. Молодежный экстремизм как угроза национальной безопасности России в условиях глобализации // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 5 (82). С. 52–55. <https://doi.org/10.24158/per.2020.5.8>.
2. Скоробогатый П. Почему Россия переросла Майдан // Эксперт. 2021. № 6. С. 13–16.
3. Лепский В.Е. Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны. 2010. № 4 (16). С. 69–78.
4. Ивантер А., Смирнов А. Пепел на розах и тюльпанах. Цветные революции в постсоветских странах не приблизили, а отдалили исполнение мечтаний их граждан о богатой и достойной жизни // Эксперт. 2021. № 6. С. 18–20.
5. Матвиенко Е.А. Патриотизм как основа взаимоотношений государства и личности в современной России // Научный портал МВД России. 2019. № 2 (46). С. 7–13.
6. Бельских И.Е. Последняя альтернатива Евразии: цивилизация или национальные ценности? // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник. М., 2018. С. 578–580.
7. Доктрина информационной безопасности РФ [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента РФ от 5 дек. 2016 г. № 646. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Кочетова Дарья Андреевна